
Н. Ф. КОТЛЯР

Устные источники Галицко-Волынской летописи

Галицко-Волынский свод в значительной мере отличается от других памятников летописного жанра. Со времени открытия источника Н. М. Карамзиным ученые неоднократно отмечали его своеобразие, в частности отсутствие хронологической сетки¹ и разделения на погодные статьи. Одним из первых необычность Галицко-Волынской летописи подчеркнул К. М. Бестужев-Рюмин, отметивший ее более стройную (по сравнению с другими летописями) композицию, слитность изложения, а среди источников назвал отдельные повести.² С этим согласились многие позднейшие исследователи, прежде всего внесшие наибольший вклад в изучение памятника Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто.³ Черепнин отметил присутствие отдельных повестей в составе первой части свода, которую он назвал Летописцем Даниила Галицкого, что, на мой взгляд, открыло новое направление в дальнейших исследованиях Галицко-Волынской летописи вообще.

Хорошо обоснованное предположение Черепнина о введении в текст Галицко-Волынского свода его авторами и редакторами нескольких повестей навело меня на мысль, что, возможно, весь этот памятник состоит из отдельных повестей, соединенных в дальнейшем составителями.⁴

Своеобычен также и состав источников Галицко-Волынского свода. Им посвятил свои работы А. С. Орлов.⁵ Он назвал среди них компилятивные хронографы, содержавшие хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы, «Александрию», «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия. По его мнению, они во многом определили стиль и изобразительные средства свода. Ученый определил также древнерусские источники Галицко-Волынской летописи. Расширили наши представления об источниках памятника названные выше труды Черепнина и Пашуто.

Однако, на мой взгляд, одной из важнейших групп источников Галицко-Волынского свода наши предшественники уделили мало внимания. Речь пойдет об устных — фольклорных преданиях и свидетельствах современников. Временами в насыщенных подробностями рассказах источника ощущается живая ин-

¹ Существующая в Ипатьевском списке была грубо, с большими ошибками приложена к нему в XIV, если не в XV в.

² Обзор литературы о Галицко-Волынском своде см.: Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.

³ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. № 12; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

⁴ Впервые эта мысль была обоснована мною в кн.: Галицко-Волынский літопис. Київ, 1993.

⁵ Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. 1926. Т. 31, кн. 1; 2) О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 15—35.

тонация очевидца, а то и участника происходившего. По моему мнению, в нашем памятнике устных источников необычно много — в сравнении с другими, традиционными летописями.

Спору нет, в описаниях походов, осад, штурмов и взятий городов и крепостей, вообще батальных сцен во многих летописях также чувствуются непосредственные впечатления и ощущения видевших эти события людей. Стоит лишь вспомнить яркие и эмоциональные рассказы о завоевании Батыем древнерусских городов в 1237—1241 гг. в Суздальской, Новгородской, Воскресенской, Никоновской, Московском своде конца XV в. и других летописях. Все это в изобилии встречается в Галицко-Волынском своде, на страницах которого повествования о походах и сражениях занимают центральное место. Но далее речь пойдет не только об этом.

Уже в начале сохранившейся части свода, посмертном панегирике отцу Даниила и Василька князю Роману Мстиславичу, явственно ощущаются его фольклорные истоки («Одолѣвша вѣсьмъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростию, ходяще по заповедѣмъ Божиимъ: устремилъ бо ся баше на поганья...») и далее: «Ревнова же (Роман. — Н. К.) дѣду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомаы половци, изгнавшю Отрока въ Обезы, за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дона...»⁶).

Фольклорный характер рассказа о борьбе Владимира Мономаха и его правнука Романа против половецких ханов представляется несомненным. Много лет назад было высказано предположение о том, что посвященная Мономаху часть этого панегирика создана под влиянием половецкого эпоса; некоторые исследователи считали его даже отрывком из этого эпоса, содержащего немало черт половецкого быта.⁷

Уже на первых страницах сохранившейся части Галицко-Волынского свода автор прибегает к излюбленному методу фольклорных сказителей: подчеркиванию малолетства героя, действительного или мнимого. Осенью 1211 г. бояре решили позвать Даниила Романовича на галицкий стол, надеясь, вне сомнения, что 10-летний мальчик легко превратится в игрушку в их руках. Рассказывая о приходе Даниила в Галич и встрече с матерью, княгиней Анной, книжник пишет: «Данилу же княжашю в Галичи, тако младу сущю, яко и матере своя не позна».⁸ В этих словах явно ощущается фольклорный мотив: малолетство героя, способного уже в младенческом возрасте вершить великие дела. На самом деле Даниил был тогда не столь уж мал — ему исполнилось 10 лет.

Продолжая эту тему, автор подчеркивает сильный характер будущего великого князя. Вскоре после этого бояре выгнали княгиню из Галича, но «Даниль же не хотѣ оставити матере своя и плакашея по ней младъ сый. И приехалъ Александръ, тивонъ щюмавиньскый, и я за поводъ; онъ же измокъ мечь и тя его, и потя конь подъ нимъ; мати же вземъши мечь из руку, умоливши его остави в Галичи, а сама иде в Белзь».⁹

Фольклорная традиция изображения подвига героя в малолетстве имеет древние корни. Вспомним греческий миф о младенце Геракле, задушившем в колыбели змей, посланных на него ненавидевшей его Герой. А на страницах По-

⁶ Галицко-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 77. В книге издан текст Галицко-Волынского свода по лучшему, на мой взгляд, списку — Хлебниковскому. В дальнейшем ссылки на свод даются по этому изданию.

⁷ Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописи // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 391—393. Последнее предположение представляется, впрочем, сомнительным, поскольку автор панегирика восторгается подвигами русских князей, изображая при этом половецких ханов неодобрительно и даже иронически.

⁸ Галицко-Волинський літопис. С. 80.

⁹ Там же. С. 80—81.

вести временных лет Святослав появляется в качестве героя дружинного эпоса (из которого, вероятно, одним из авторов нашего свода заимствована история о приходе Даниила и его матери в Галич) в возрасте 5—6 лет. Столь маленьким ребенком он выезжает верхом на поле битвы с древлянами и «суну копьем»¹⁰ Святославъ на древляны, и копые летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи...».¹¹ В этих словах и подчеркивание младенчества княжича, и любование его воинской удаляю.

В действительности же, по мнению ученых (Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко), в 944 г., к которому относится эта история, Святослав был уже юношей 15—16 лет, посему мог как следует метнуть сулицу в сторону врага. Точно такое же впечатление производит приведенный выше рассказ о расставании малолетнего Даниила с матерью и попадании им мечом не в тивуна, а лишь в его коня.

И в дальнейшем в тексте свода неоднократно ощущается фольклорная основа многих его рассказов. Так, повествуя об одном из боярских заговоров против Даниила и Василька Романовичей, летописец с негодованием восклицает: «Нѣкогда ему (Даниилу. — Н. К.) в пиру веселяшуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшю...».¹² Перед нами редкий случай, когда галицкий книжник осуждает за мягкость своего господина в отношении боярского рода Молибоговичей — ведь именно «один отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ» смертельно оскорбил своего князя.

Но вряд ли летописец отразил реальное событие: князь, да еще столь гордый и храбрый рыцарь, как Даниил Романович, не смог бы стерпеть публичного оскорбления от своего вассала. Полагаю, что мы имеем дело с распространенным в средневековом (главным образом западноевропейском) рыцарском фольклоре символом самого страшного оскорбления, которое только может нанести слуга своему господину. Можно предположить, что эта история родилась в кругу близких соратников Даниила, вероятно, его дружинников.

Братья Романовичи, и прежде всего старший, Даниил, апологию которых представляет Галицко-Волынский свод, были, естественно, героями рассказов преданных им бояр и дружинников. Воспринявшие эти истории авторы и составители свода всемерно сочувствовали государственно-созидательным делам Даниила и Василька, превозносили их. Они клеймили позором тех галицких бояр, которые препятствовали действиям князей, пользуясь при этом различными источниками и изобразительными приемами. Вольное, не стесненное рамками летописного канона течение повествования больших и малых повестей также способствовало расширению круга источников. Таким образом, например, дружинный эпос стал важным источником Галицко-Волынского свода.

Подобный политически заостренный характер свода, постоянные филиппики против мятежных бояр требовали особенно сильных средств. Авторы и редакторы постоянно находили их и в древнерусской литературе, и в устном народном творчестве. Один из многочисленных примеров использования литературного образа встречаем в рассказе об еще одном боярском заговоре против Романовичей, который организовали упомянутые выше Молибоговичи.

Однажды бояре «съвѣтъ»¹³ сътворше <...> на убиение и предание земле его (Даниила. — Н. К.). Съдящимъ же имъ в домѣ и хотящимъ огнемъ зажещи ѿ, милостивому Богу вложившю в сердце Василку изыти вонъ, и обнажившю мечъ свой играа на слугу королева». Эта невинная шутка младшего Романовича произвела ошеломляющее впечатление на бояр, позвавших к себе в дом князей:

¹⁰ Метательным, которое на Руси называли сулицей.

¹¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 28.

¹² Галицко-Волынский летопис. С. 94.

¹³ Заговор.

«Невѣрнымъ Молибоговичем узрѣвши се, страхъ имь бысть отъ Бога, рекшимъ, яко: „Свѣтъ нашъ раздрущися“ и побѣгшимъ имь, яко и оканный Святополкъ».¹⁴ Дабы максимально усилить свою филиппику, направленную против заговорщиков-Молибоговичей, автор приведенных строк прибегает к сильнейшему сравнению из арсенала древнерусских писателей: сравнивает их со злоевеще знаменитым в средневековье на Руси Святополком Окаянным, который, согласно церковной легенде, убил трех своих братьев.

Среди фольклорных средств, использованных для обличения преступных бояр, авторы свода используют также пословицы и поговорки. Наиболее яркий пример относится к рассказу нашего источника о событиях 1231 г. Тогда, в условиях усиления борьбы боярской оппозиции против княжеской власти, — борьбы, особенно опасной ввиду постоянной внешней угрозы со стороны Венгрии, Даниил Романович прибегает к помощи городского патрициата, созвав вече. С его поддержкой князь намеревался уничтожить очаг боярского сопротивления в Перемышле.

Автор этого рассказа повествует: «Самому же Данилу съзвавъшю вѣче, оставшюся въ 18 отрокъ вѣрныхъ <...> и рече имь: „Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на врага моа“. Онѣмъ же кликнувшимъ: „Вѣрни есмы Богу и тобѣ, господину нашему, изыди з Божию помощию“; соцькый же Микула рече: „Господине! Не погнетши пчель, меду не ясти!“».¹⁵ Так устами одного из влиятельных горожан князю образно указали на необходимость жестокой расправы с боярами. О распространенности этой поговорки в славянском средневековье свидетельствует приведение ее в польской «Великой хронике» XIII в., в которой она приложена к отцу Даниила Роману Мстиславичу, известному своей беспощадной борьбой с боярской оппозицией.¹⁶

Во времена Романовичей дружинная поэзия жила и развивалась. Одно из нескольких свидетельств галицкого летописца в пользу утверждения, что при дворе Романовичей жили певцы-составители песен или баллад, напоминавшие западноевропейских трубадуров, содержится в рассказе нашего книжника о славной победе братьев над отрядами прусов и ятвягов в 1249 г.: «И многы христианы отъ плѣнениа избиваста (избавили. — Н. К.), и пѣснь славному пояху има...». Нашу мысль подтверждает продолжение этих слов: «И приидоста съ славою на землю свою, наслѣдивша путь отца своего, великого [князя] Романа, иже бѣ изострился на поганья, яко левъ...»,¹⁷ что представляется едва ли не повторением начала сохранившейся части Галицко-Волинского свода — панегирика Роману и Мономаху.

Источник однажды представляет нам такого галицкого трубадура, некоего Митусу (вероятно, уменьшительное от «Дмитрий»). После Батыева нашествия в Галицкой земле оживилось боярское сопротивление Романовичам, потерявшим в боях с татарами значительную часть дружинников и других воинов, что ослабило их власть и силу. Однако довольно скоро князь восстановили свою мощь и решили подавить очаг боярского сопротивления в Перемышле. Туда был послан с войском один из лучших полководцев Даниила дворский Андрей. Он разгромил и разграбил дворец тамошнего епископа, действовавшего заодно с мятежными боярами, а «словутнаго певца Митусу, древле за гордость не восхотѣвшу служити князю Данилу <...> связаннаго приведоша...».¹⁸ На мой взгляд, этот Митуса, подобно западноевропейским трубадурам, воспевал фео-

¹⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 93.

¹⁵ Там же. С. 94.

¹⁶ Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Перевод, статья и коммент. Н. И. Щавелевой. М., 1987. С. 137.

¹⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 104.

дальнюю анархию, нескончаемые битвы и сражения. Он, вероятно, вовсе не случайно служил перемышльскому епископу, разжигателю этой анархии. И явно не случайно отказался в свое время петь перед князем Даниилом: он, как и его хозяева, принадлежал к врагам этого государя.

Но все же свидетельства очевидцев по своему значению и месте в Галицко-Волынском своде явно преобладают над фольклорными источниками. Особенно важны и информативны основанные на сообщениях свидетелей рассказы о военных действиях, составлявших в эпоху удельной раздробленности, по крайней мере на взгляд летописцев, главное содержание политической жизни княжества или страны.

Обычно походы галицкого и волынского войск на врага отражены в своде преимущественно по свидетельствам очевидцев, скорее даже, их участников. Вот как описан состоявшийся летом или осенью 1229 г. совместный поход русско-мазовецкого войска на принадлежавший краковскому князю Владиславу город Калиш: «Даниль же и Василко приидоста къ Кондратови,¹⁹ и <...> идоша къ Калешю, и приидоша Вепру вечерь; наутрея же свитаюшю, преидоша рѣку Прѣсну и поидоста к городу». Течение Калишского похода прослежено в источнике едва ли не по часам, приведены подробности, которые мог знать разве что очевидец: «Городъ обошла вода и силнаа лозина и вербье, и не свѣдущемъ и ся самѣмъ, и где кто биашесея». Наконец, этим очевидцем мог быть лишь военный человек, прекрасно разбиравшийся в осадной и защитной технике, в методах штурма и взятия крепостей и укрепленных городов: «Идушю же камению с забраль (заборол. — Н. К.), яко дѣждю силну, стоящимъ имъ въ водѣ, дондеже сташа на сушь наметаномъ камении, и възводный мост и жеравецъ²⁰ възгоша...».²¹ Трудно отрешиться от впечатления, что автор этих слов как раз и стоял на том «наметаномъ камении». Подобных походов, обрисованных взглядом очевидца, в Галицко-Волынском своде отражено несколько десятков.

Центральное место среди описанных в Галицко-Волынском своде на основании устных источников военных событий занимают осады и штурмы городов. Особенно ярко и драматично отражены в нашем источнике взятия русских городов полчищами Батыя в 1237—1241 гг. Нелегко удержаться от того, чтобы привести немалый по объему текст, излагающий осаду и штурм Киева монголо-татарскими полчищами поздней осенью 1240 г.: «Въ то же лѣто прииде Батый къ Киеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множествомъ силы своея, и окружи градъ и оступи сила татарская, и бысть градъ [во] обдеръжании велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанья телѣгъ его, множества ревеня верьблудъ его, и рѣженя отъ гласа стады коней его. И бѣ исполнена Рускаа земля ратныхъ».²² Трудно сомневаться в том, что эти яркие, эмоциональные и вместе с тем конкретные подробности осады (а затем и последующего штурма) заимствованы нашим книжником от участника тех страшных событий, находившегося в их гуще. Подобным образом, со слов очевидцев, отражены в Галицко-Волынском своде и взятия монголо-татарами многих других городов. И не только русских.

В 1259 г. монгольский полководец Бурундай поставил в зависимость от Орды Галицко-Волынское княжество Романовичей и, взяв у них вспомогательное войско под водительством Льва Даниловича, стремительно пошел в Польшу. Вероятно, галицкие или волынские воины, находившиеся вместе с войском Бурундая, и стали источником информации о взятии и уничтожении города Сандомира вместе со всеми его жителями. Вот как описывает этот, вне сомнения,

¹⁹ Мазовецкий князь Конрад I, в те годы союзник Романовичей.

²⁰ Механизм для поднимания и опускания подъемного моста.

²¹ Галицко-Волинський літопис. С. 91.

²² Там же. С. 101.

военный человек штурм польского богатого и прекрасного города: «По томъ же приидоша къ Судомиру и оступиша съ всѣхъ странъ, и огородиша около своимъ городомъ, и пороки поставиша; порокомъ же бьющимъ неослабно день и ночь, а стрѣламъ не дадушимъ выникнути изъ заборолъ, и бишася по 4 дни, въ четвертый же день събиша заборолъ з города».²³

Помимо прочего, перед нами исключительно ценное описание осады средневекового города с применением технических средств. Как известно, монгольские ханы использовали самую современную осадную технику, пользуясь трудом и умом механиков и инженеров из разных поработанных ими стран, в частности из Китая. Поэтому использованные монгольскими военачальниками при взятии Сандомира приемы штурма и технические приспособления были, полагаю, передовыми для своего времени. Из повествования галицкого книжника проистекает, что Бурундай велел построить вокруг Сандомира собственный «город», т. е. огородить его стеной, дабы не позволить прийти извне на помощь осажденным. Далее были установлены мощные пороки — катапульты и баллисты, которые, во-первых, не давали осажденным возможности отстреливаться со стен (заборол), во-вторых, имели целью сбить сами эти стены с валов. Рассказ летописца наводит на мысль, что Сандомир, подобно абсолютному большинству древнерусских городов, имел дерево-земляные укрепления. После того как стены были сбиты, «татарове же начаша лѣствици приставлявати къ городу, и тако полѣзоша на городъ».²⁴ Затем монголо-татарское войско штурмом взяло Сандомир.

Галицко-волинские князья также неоднократно использовали осадные машины при взятии городов. Так, в 1244 г. Даниил и Василько «заративъшимася со Болеславомъ, княземъ лядскимъ...» и пошли войной на важный и хорошо укрепленный город Люблин. С большим знанием военного дела очевидец или участник описывает сам поход и штурм города: «Повелѣста (Романовичи. — Н. К.) престоити праща, иные сосуды на взятие града, и поидоста на градъ Люблинь».

Это свидетельствует, что войско Даниила и Василька использовало метательную осадную артиллерию, доставив ее в разобранном виде из Холма к Люблину. Действенность этой техники конкретно показывает далее устный источник свода: «Мечущимъ же пращамъ и стреламъ (из баллист. — Н. К.) яко же дождю идуща на градъ ихъ, и увидѣвши ляхове, яко крепчи брань руская належитъ, начаша просити милости получитьи». Даниил и Василько откликнулись на просьбу осажденных о мире, обняв их за это: «Не помагайте князю своему».²⁵

Описание в Галицко-Волинском своде неудачной попытки Даниила Романовича овладеть в 1253 г. чешским городом Опавой выпукло-ярко отражают непосредственные впечатления одного из участников кампании: «Нѣмци же видѣвше устремление русское крѣпко, и побѣгоша, и неколико их убиша въ вратехъ, и вратъ не затвориша бѣжаше».²⁶ Следовательно, была осуществлена характерная для средневековья попытка захвата города с ходу («изъездомъ»), когда конница нападавших стремилась заставить оборонявшихся врасплох, так, чтобы они не успели запереть ворота. Однако попытка эта не удалась, поскольку Даниил тогда страдал болезнью глаз и не смог разобраться в обстановке.

Подробность и этого, и прочих рассказов о действиях войска Романовичей в Силезии давно уже навела историков на мысль, что они описаны, вне всякого сомнения, по словам непосредственного участника похода.²⁷ Можно согласить-

²³ Там же. С. 121.

²⁴ Там же. С. 125.

²⁵ Там же. С. 105.

²⁶ Там же. С. 115.

²⁷ См., например: Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. 3. С. 170.

ся со столь категорическим высказыванием, ведь в словах книжника видим немало живых, непосредственных впечатлений (например: «вѣтру же напрасно вѣюцю на градъ, а градъ же елиною сътворень бысть, и греблю (вал. — *Н. К.*) малу видяше...»²⁸).

Гораздо чаще, чем осады и штурмы городов, в Галицко-Волынском своде описываются военные столкновения — от мелких стычек с нападшими на северный волынский рубеж ятвягами или прусами до крупных сражений, в которых решался исход войны или даже судьбы того или иного княжества. Наиболее ярким кажется рассказ галицкого книжника о масштабной битве возле галицкого города Ярослава 17 августа 1245 г. между войсками Романовичей и коалиции, состоявшей из венгерского войска, приведенного зятем короля Ростиславом Михайловичем, отрядов враждебных Даниилу и Васильку бояр и польского вспомогательного контингента. Этот рассказ создает впечатление исходившего из уст не то что участника, а одного из воевод Романовичей, руководивших частями их войска и знавших такие подробности сражения, о которых не ведали рядовые воины.

Вот как описывается в своде приближение войска Романовичей к полю боя: «Не дошедшимъ же воемъ реки Сяну, съшедшимъ же на поли вѣоружитя».²⁹ Эти слова знатока военного дела своего времени указывают на то, что ударная часть этого войска состояла из тяжеловооруженных рыцарской конницы (в основном дружинников) и регулярной пехоты («пешцев» летописи). Тяжелое и громоздкое вооружение и защитное снаряжение обычно везли на телегах. Надевали же кольчуги, панцири, шлемы, наручи, поножи, брали копья, тяжелые двуручные мечи, боевые топоры, арбалеты и другое оружие непосредственно перед битвой.

Еще один пример живого впечатления очевидца, вынесенного из Ярославского сражения: «Даниль же видѣвъ <...> Филю³⁰ в заднѣмъ полку стояща съ хороговью» устремился на него. Затем Даниил «видѣвъ угрина грядущаго на помощь Фили, къпиемъ сътче, и оружию бывшу в немъ уломену спадеся, издыше. От того же гордаго Филю Левъ, младъ сый, и изломи копие свое».³¹ В этом эмоциональном описании чувствуется жар сражения, в гуще которого находился информатор летописца. Логично напрашивается мысль, что он бился с венграми, стоя рядом с Даниилом и его сыном Львом.

Точно так же, по свежим следам стычек и войн с ятвягами, описаны многочисленные кампании Романовичей против этих агрессивных племен, постоянно угрожавшими мирному сельскому и городскому населению северо-западной Волыни.³² Но — обратимся к мирным делам, описания в своде многих из которых также имеют в основе непосредственные впечатления очевидцев, а то и участников происходившего тогда.

В 1230 г. Даниил Романович завладел Галичем (правда, лишь на короткое время), где с гарнизоном сидел венгерский королевич Андрей, которого поддерживали мятежные бояре. С одобрением действия своего героя повествователь пишет: «Пусти (Даниил. — *Н. К.*) сына его (венгерского короля. — *Н. К.*) и проводи и до рѣки Днѣстра; изыде же с нимъ единъ Судислав,³³ на нь же метяху камени, рекуще: „Изыди из града, мятежнице земли!“».³⁴ Столь яркую картину осуждения боярина, служившего оккупантам и боровшегося против законного князя, мог создать разве что очевидец, а то и участник события.

²⁸ Галицко-Волинський літопис. С. 115.

²⁹ Там же. С. 107.

³⁰ Венгерского бана Фильния, руководившего объединенным войском врагов Романовичей.

³¹ Галицко-Волинський літопис. С. 108.

³² См., например: Там же. С. 265, 266, 283, 291—292.

³³ Тогдашний лидер враждебной Романовичам боярской партии в Галиче.

³⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 92.

Вероятно, устным источником воспользовался составитель свода, повествуя о завершении соперничества между Даниилом и его двоюродным братом Александром Всеволодичем, князем Белза, который в течение трех десятков лет пытался отнять у Романовичей их волынскую отчину. После того как в 1234 г. в Галиче умер долго сидевший там с гарнизоном венгерский королевич Андрей, которого поддерживали враждебные сыновьям Романа Мстиславича феодальные олигархи, в городе произошла перегруппировка боярских сил. На время взяла верх партия, поддерживавшая претензии Даниила на престол. Судиславу пришлось уйти в Венгрию, после чего боярский ставленник Александр потерял почву под ногами: «Олександръ убоаяся злого своего сътворення, поиде къ тестю своему въ Киев; Данил же увѣдавъ изыде на нь из Галича, угони его въ Полономъ, и яша ѿ в лузѣ Хоморскомъ». Живая интонация участника погони ощущается в словах, завершающих этот рассказ: «Данилови же не спавшю 3 дни и 3 нощи, тако же и воемъ его».³⁵

Исключительно красочное полотно, в котором нельзя не заметить непосредственных впечатлений одного из свидетелей событий, создает галицкий книжник, описывая торжественный въезд Даниила Романовича в Галич 1238 г. Когда князь, одолевший наконец своих врагов, подъехал к валам города и обратился к «градским мужам» (городскому патрициату) с пламенной речью, «они же въскликнувшѣ рѣша, яко: „Се есть дрѣжатель нашъ, Богомъ данный“ — и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчелы к матцѣ, яко жажуци воды къ источнику».

С издевкой и сарказмом обличает автор церковного и светского феодалов, стремившихся во что бы то ни стало воспрепятствовать вокняжению в Галиче старшего сына Романа Мстиславича: «Епископу же Артемию и дворскому Григорию възбранающю ему, узрѣвшима же, яко не можета удрѣжати града, яко малодушна блюдящася о предании града, изыдоста слезныма очима и ослабленнымъ лицемъ и лижюща уста своя, яко не имѣюща власти княжения своего; рѣста же с нужею: „Прииди, княже Данило! Приими град!“».³⁶ Читатель этих строк словно наяву увидел предательские лица епископа и дворского, пресмыкавшихся перед государем, которому раньше неоднократно изменяли.

Свидетельству очевидца обязан наш свод также красочным описанием парадной одежды русского князя, выступившего в поход в поддержку своего союзника, венгерского короля. В начале 1249 г. «присла король угорьскый къ Данилу, прося его на помощь: бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци».³⁷ Поскольку австрийский герцог Фридрих, погибший в войне с Венгрией в июне 1246 г., не имел наследника, его владения превратились в предмет соперничества между государями нескольких европейских стран. Вначале активнее других повел себя венгерский король Бела IV, предложивший Данилу разделить Австрию между собой.³⁸ Вмешательство Романовичей в соперничество за австрийское наследство в конце концов окончилось неудачей.

Но это произойдет пятью годами позднее. А пока что в начале этой истории Даниил приходит на помощь королю. Австрийцы были восхищены и внешним видом войска галицко-волинского государя, великолепием и роскошью его одежды: «Нѣмци же дивящюся оружию татарскому: бѣша бо конѣ въ личинахъ и въ коярехъ кожаныхъ, и людие въ ярыщехъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружиа блистающюся».³⁹ Чуткий ко всему новому, русский князь перенял у монголо-татар легкие защитные доспехи, изготовленные из толстой

³⁵ Там же. С. 97.

³⁶ Там же. С. 98—99.

³⁷ Там же. С. 111.

³⁸ См. об этом более подробно: Котляр М. Ф. Коментар // Галицько-Волинський літопис. Київ, 2002. С. 267—268, 274—279, 293—295.

³⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 112.

бычьей кожи с металлическими накладками. Кожаные шлемы («личины») защищали голову коня, а тяжелая попона — тело. Точно так же и всадники были в легких и прочных кожаных латах — «ярицах». Вместе с тем надо сказать, что князья, бояре и старшие дружинники носили металлические панцири.

Но самое большое удивление, смешанное с восхищением, вызвал у австрийцев внешний вид ехавшего рядом с венгерским королем Даниила: «Бѣ бо конь подъ нимъ дивлению подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена <...> кожухъ⁴⁰ же оловира грецького <...> и сапози зеленого хъза шити золотомъ». ⁴¹ Оловиром называли затканную золотом шелковую ткань, хъз'омъ — сафьян.

В завершение сюжета об использовании устных источников в Галицко-Волынском своде приведу поведенную книжником с иронией и насмешкой над незадачливым претендентом на галицкое княжение историю о неудачной попытке высокомерного новгород-северского князя Изяслава Владимировича отнять Галич у Даниила — и это в пору высшего могущества галицко-волынского государя! В конце 1251 г. «Изяславъ же проси у нихъ⁴² помощи ити на Галич». ⁴³ Татары, прежде всего сам Куремса, всячески отговаривали Изяслава от рискованного предприятия, зная о силе войска Даниила Романовича: «Они же рекоша ему: „Како идеши в Галичь, а Данило князь лють есть“ <...> Онъ же не послуша ихъ, но събрав около себе, иде в Галичь». ⁴⁴ В отсутствие в городе Даниила Изяслав сумел ворваться в Галич. Даниил послал против него сына Романа, который неожиданно для врага стремительно вошел в город. «Вънезапу нападшим на ня, — с удовлетворением пишет книжник. — оному (Изяславу. — *Н. К.*) же възбѣже на комары церковныа, иде же безаконныа угре възбѣгли бяху». ⁴⁵ Приведенный Романом к Даниилу пленный Изяслав навсегда исчез с политической сцены, вероятно, умер в одном из галицких «порубов».

Устный источник этого колоритного рассказа проглядывает, кроме прочего, в воспоминании о том, что когда-то, тремя десятилетиями ранее, осажденные в Галиче венгры также попытались организовать оборону на закомарах одного из храмов: «Мъстиславу поиде к Галичю, бившимъ же ся имъ о врата граднаа, и възбѣгоша (венгры. — *Н. К.*) же на комары церковныа <...> бѣ бо градъ сѣтворен на церкви; онѣмъ же стрѣляющимъ и каменеие мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною, не бѣ бо воды в нихъ». ⁴⁶ Как только к храму подъехал князь Мстислав, венгры тут же сдались.

Таким образом, устные, среди них фольклорные, источники Галицко-Волынского свода обогатили его информативно, повысили эмоциональность и образность его рассказов. Они относятся к числу наиболее важных источников нашего памятника.

⁴⁰ Парадный кафтан.

⁴¹ Галицко-Волинський літопис. С. 112.

⁴² Татар орды Куремсы, кочевавшей неподалеку от юго-восточных рубежей Галицко-Волынского княжества.

⁴³ Галицко-Волинський літопис. С. 117.

⁴⁴ Там же. С. 117.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 84—85.